

Вакар Николай Платонович
1894-1970

Автобиография

Я (**Вакар Николай Платонович**, фото) родился в местечке Тульчин Подольской губернии (бывшая южная квартира декабристов) (ныне - административный центр Тульчинского района Винницкой области Украины), где отец служил по устройству крестьянских дел (отец - **Вакар Платон Модестович - 1852-1928**, фото рядом).

Вскоре отца перевели в Киев, где я окончил Александровскую гимназию (ныне - в здании бывшей Александровской гимназии, бульвар Шевченко 14, располагается "Желтый корпус" Киевского университета, фото справа), а оттуда поступил на Юридический факультет Московского университета.

Дополним рассказ о юности Николая Платоновича Вакара воспоминаниями его сестры Елизаветы Платоновны Матвеевой (Вакар).

"Брат Коля, старший в нашей семье, был очень способным, сам научился читать в 5 лет, выучил азбуку, слова по газетам. Учиться поступил в первую Киевскую классическую мужскую гимназию. Учился хорошо, легко, больше всех предметов любил уроки словесности, литературы. Коля отлично писал сочинения, которые, как лучшие, читались публично на уроках. В старших классах Коля с увлечением участвовал в театральных постановках и показывал незаурядные актерские способности. Выступал он также как чтец небольших рассказов Чехова. У Коли были хорошие художественные способности, он хорошо рисовал. Одно время он увлекался футболом, а в старших классах перед окончанием гимназии - футуризмом, которым тогда была увлечена молодежь.

В 1913 году Коля окончил 8 классов гимназии и в этом же году поступил в Московский Университет. В Москве он увлекся театром и даже держал экзамен в МХАТ, куда был колоссальный конкурс. Не прошел только потому, что будто бы не достаточно отчетливо выговаривал букву "Р" (никто никогда этого не замечал). В университете ему не пришлось долго поучиться, помешала война 1914 года".

Необязанный военной службой, как единственный сын при престарелых родителях, ушел осенью 1914 года добровольцем на войну. Войну пробыл на фронте в составе легкой батареи Офицерской артиллерийской школы, преобразованной через год в Образцовый 16-й тяжелый артиллерийский дивизион. Произведен в офицеры за боевые заслуги, окончил войну в чине поручика с двумя Георгиевскими крестами и тремя офицерскими орденами.

Для справки

Краткая записка о службе 16-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона подпоручика Николая Платоновича Вакар 15 мая 1917 года

Родился 1894 года, мая 14 дня.

Вероисповедания православного.

Из потомственных дворян.

В Киевской 8-ми классной Императорской Александровской гимназии и зачислен студентом в списки Императорского Московского университета по юридическому факультету 1-го сентября 1913 года.

Холост.

Получает по чину.

В службу вступил охотником, на правах вольноопределяющегося 1-го разряда по образованию в 5-ю батарею 1-й запасной артиллерийской бригады 1914 года сентября 20 дня.

Приведен к присяге и переименован в канониры 1914 года сентября 27 дня.

Переведен на службу в автомобильную батарею для стрельбы по воздушному флоту 1914 года декабря 5 дня.

Переведен на службу в легкую батарею Офицерской артиллерийской школы 1915 года февраля 16 дня.

Успешно выдержал экзамены по программе для учебных команд и произведен в младшие фейерверкеры 1915 года апреля 1 дня.

Приказом Главнокомандующего Армиями Северо-Западного фронта произведен в прапорщики артиллерии 1915 года августа 23 дня.

Высочайшим приказом утвержден в чине 1916 года февраля 6 дня.

В составе легкой батареи Офицерской артиллерийской школы возвратился из действующей армии в гор. Царское Село 1915 года августа 27 дня.

Ввиду расформирования легкой батареи Офицерской артиллерийской школы и сформирования 16-го отдельного полевого тяжелого артиллерийского дивизиона зачислен в списки названного дивизиона 1915 года октября 21 дня.

Назначен младшим офицером управления дивизиона 1915 года октября 21 дня.

Переведен и назначен младшим офицером 2-й батареи дивизиона 1916 года января 20 дня.

Вр.и.д. Старшего офицера батареи с 1916 года июля 25 дня по 1916 года июля 27 дня.

Назначен делопроизводителем дивизионного суда с исполнением своих прямых обязанностей 1916 года октября 16 дня.

Назначен Вр.и.д. Адъютанта дивизиона 1916 года декабря 9 дня по 1917 года января 3 дня.

Назначен И.д. Адъютанта дивизиона 1917 года февраля 5 дня.

Отчислен от должности делопроизводителя дивизионного суда и сдал дела по судной части 1917 года апреля 18 дня.

Приказом по армии и флоту произведен в подпоручики за отличия в делах против неприятеля 1917 года апреля 7 дня.

Со старшинством с 1916 года ноября 17 дня.

Имеет награды за текущую кампанию: Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом, Георгиевские кресты 3-й ст. за № 11264? и 4-й ст. за № 442977 и Георгиевскую медаль 4-й ст. за № 544661.

Вр. командующий дивизионом капитан (подпись неразборчива)

Вр.И.д. Адъютанта дивизиона прапорщик (подпись неразборчива).

В ноябре 1917 года уехал с фронта в длительный отпуск, из которого уже не вернулся, а вступил в подпольную антисоветскую организацию "Азбука", созданную В.В. Шульгиным при Всероссийском Национальном центре в Москве (*Всероссийский Национальный центр - антибольшевистская надпартийная организация, существовавшая в 1918-1920 гг., и включавшая несколько тысяч человек, в том числе 800 кадровых офицеров*).

Руководил ее работой на Украине под азбучной кличкой "Зело" (8-я буква славянской азбуки). Всех членов "Азбуки" не помню, да и не знал: И.П. Демидов был "Буки" (2-я буква славянской азбуки), В.В. Шульгин был "Веди" (3-я буква славянской азбуки), а Н.Н. Щепкин и Н.И. Астров, возглавлявшие Всероссийский Национальный центр в Москве, кажется, были "Глаголем" (4-я буква славянской азбуки) и "Добро" (5-я буква славянской азбуки).

Для справки

Фото и краткие данные лидеров "Азбуки"

1

2

- **Шульгин Виталий Витальевич** - 1878-1976, депутат II, III и IV Государственных Дум, идеолог Белого движения (*фото 1*)

- **Демидов Игорь Платонович** - 1873-1946, журналист и политик, член IV Государственной Думы (*фото 2*);

- **Щепкин Николай Николаевич** - 1854-1919, политический деятель, депутат Государственной Думы III и IV созывов (*фото 3*):

3

4

- **Астров Николай Иванович** - 1868-1934, политический деятель, Московский городской Голова в 1917 г. (*фото 4*).

В Киеве я проживал по бумагам "железнодорожника Николая Волкова", но сдавал экзамены в университете и женился в мае 1919 года на Варваре Васильевне Неклюдовой по своим документам.

Обратимся еще раз к воспоминаниям Елизаветы Платоновны Матвеевой (Вакар). "В 1917 году Коля жил у нас на Кругло-Университетской улице. Он был не у дел: армии, где он служил на фронте, уже не было, войска волновались, переходили к восставшим. Дома Коля брэнчал на пианино одним пальцем романсы Вертинского и с чувством их напевал. Амурничал с Асей Хегстром, нашей хорошенькой соседкой по дому. Потом Коля примкнул к Добровольческой армии и одно время жил нелегально в Киеве. Это было уже в 1918 году. Мы знали об этом все, кроме папы, мама не хотела его волновать, а сама тяжело переживала, боясь за жизнь Коли. Я знала адрес Коли и иногда его навещала (секретно). В это время он влюбился в очень славную, красивую девушку, их связную, дочь начальника Южной железной дороги, Варюшу Неклюдову. Летом 1919 года они обвенчались в небольшой домово́й церкви. Мама, Надя и я были на венчании, а потом у Неклюдовых на свадебном обеде". Для справки. Отец Варвары Васильевны - Неклюдов Василий Петрович, выпускник Института инженеров путей сообщения, в

1919-1920 гг. - начальник Юго-Западной линии железной дороги Украины. Мать - Неклюдова Мария Константиновна, младший брат - Павел Васильевич Неклюдов.

Подпольную политическую работу вел в сотрудничестве с представителем Добровольческой армии полковником В.П. Барцевичем (**Барцевич Владимир Петрович - 1887-1920, полковник Генерального штаба, псевдоним "Фита" - 43-я буква славянского алфавита, расстрелян "красными"**) до освобождения города добровольцами в августе. В октябре был вызван в Ростов-на-Дону для доклада Правительству, а на Рождество в составе дипломатической миссии отправлен генералом А.И. Деникиным в Польшу (**Деникин Антон Иванович - 1872-1947, главнокомандующий Вооруженными силами Юга России в 1919-1920 гг., фото 5).**

5

Елизавета Платоновна Матвеева (Вакар) вспоминает: "Коля уже не верил в победу белых, считал, что Киев неминуемо скоро будет сдан большевикам. Его организация готовилась к отъезду и торопилась, пока сохранялось движение поездов на юг и была связь с армией Деникина. Он решил уехать вместе с Варюшей в Ростов. Папа, мама и я поехали вместе с ними. С Колей и Варюшей мы расстались в Ростове в январе 1920 года".

Официально именовавшаяся делегацией Всероссийского Национального центра, дипломатическая миссия в Польшу возглавлялась бывшим членом Государственной Думы И.П. Демидовым и состояла из советника Н.П. Вакара и секретаря А.В. Коссииковской (**Коссииковская Александра Владимировна - 1875-1923, фрейлина Великой княгини Романовой**

6

Ольги Александровны, участник Белого движения). Союзники долго не выпускали нас из Константинополя (ныне - Стамбул), а когда мы, наконец, добрались до Праги, то правительство генерала Деникина уже перестало существовать. Добровольческая армия эвакуировалась в Крым, и в правительстве генерала Врангеля (**барон Врангель Петр Николаевич - 1878-1928, Генерального штаба генерал-лейтенант, Главнокомандующий Русской армии в Крыму и Польше в 1920 г., фото 6)** внешними делами ведал П.Б.

7

Струве (**Струве Петр Бернгардович - 1870-1944, общественный и политический деятель, экономист, историк, философ, фото 7).** Между ним и нашей миссией возникли существенные разногласия, мы подали в отставку и в сентябре 1920 года переехали в Париж.

Для справки
"Азбука" по материалам Википедии

«Азбука» - тайная организация Белого движения, созданная В.В. Шульгиным в Киеве для вербовки офицеров в Добровольческую армию и разведки в интересах Всероссийского Национального центра и Ставки Верховного главнокомандования Вооружённых сил Юга России.

Существовала с конца 1917 года (формально оформлена в марте 1918 года), по декабрь 1919 года (деятельность некоторых отделений продолжалась до начала 1920 года).

В.В. Шульгин вспоминал, что название «Азбука» возникло так: «Осведомления я получал от разных лиц. Главный осведомитель был сотрудник „Киевлянина“ и член Государственной думы Савенко. Он сказал, что ... хотел бы как-то своё авторство отметить. И будет подписываться „Аз“. Член Государственной думы Демидов, бывший тогда в Киеве, не зная сам того, стал у меня „Буки“. Третьим членом Государственной думы был я, и себе я присвоил шифр „Веди“. Когда „Азбука“ из осведомительной организации выросла в организацию, требующую военной дисциплины, „Веди“ стал главою „Азбуки“». Каждому агенту давалась кличка, соответствующая какой-нибудь букве славянского алфавита.

В момент создания главными задачами «Азбуки» были вербовка офицеров в Добровольческую армию (с 18 ноября 1917 года по январь 1918 года на Дон было отправлено около полутора тысяч офицеров) и политическая разведка. К лету 1918 г. целями организации провозглашались разведка, борьба с большевизмом и украинским сепаратизмом, верность союзникам, приверженность монархии, выяснение политических настроений солдат, офицеров и населения. В.В. Шульгин так обозначил задачи организации на момент её зарождения: «1. Против большевиков. 2. Против немцев. 3. Против украинствующих. 4. За Добрармию. Кому этого было недостаточно, пояснялось: газету „Киевлянин“ читали? Так вот и вся программа». В начале своей деятельности расходы «Азбуки» покрывались средствами, поступающими от частных лиц и Всероссийского Национального центра. С лета 1919 года организация была переведена на финансирование Добровольческой армии.

В.В. Шульгин не был профессиональным разведчиком, и ему пришлось самому придумывать формы связи. По его словам, самым надёжным способом передачи сообщений через линию фронта были разрезанные на узкие полоски бумажные листы с нанесённым на них текстом, которые вставлялись в папиросную гильзу. Экземпляры с закладкой отмечались едва заметными знаками, чтобы не спутать их с обычными в пачке папирос. В процессе работы способ был усовершенствован - листы текста снимались на фотоплёнку. Плёнка разрезалась на кусочки и вкладывалась в папиросы. В.В. Шульгин вспоминал, что ему не было известно ни одного случая обнаружения "заряженных" папирос и изобличения курьера. Тем не менее, передача одних и тех же сообщений поручалась нескольким курьерам, что повышало риск "утечки информации", но с этим приходилось мириться из-за частой гибели курьеров в пути.

Работа «Азбуки» делилась на местную и общую, а ее отделения классифицировались по 3-м разрядам: к осведомительным пунктам 1-го разряда относились Москва и Киев; 2-го - Харьков, Воронеж и Саратов; 3-го - Одесса, Кишинев, Львов, Холм, Варшава, Вильно (данные на 1917-1918 гг.). Сохранились также донесения агентов из Ростова, Таганрога, Донецкого района, Екатеринослава, Софии, Белграда, Бессарабии, Константинополя, Чехословакии, Галиции, Берлина, Варшавы, Вильно, Минска.

В отчётном докладе В.В. Шульгина Главкому ВСЮР от 5 ноября 1919 года говорилось: "Киевское отделение «Азбуки» составляло и издавало агитационную литературу..., самоотверженно распространяло эти издания по г. Киеву и по всей Малороссии, создавая в уездах и сёлах конспиративные национальные организации (Комитеты национального объединения России), разрушало военное имущество и подвижной состав большевиков... Пойманные, замученные и расстрелянные сотрудники «Азбуки» свято исполнили свой долг до конца... За 2 года своего существования "Азбука" понесла значительные потери личного состава, доходившие до 50% штатного её состояния".

В ноябре 1918 года, в связи с падением власти Украинской державы в Киеве, руководящий центр «Азбуки» был переведён в Одессу. В.В. Шульгин с тех пор стал иногда подписывать собственные сообщения не только «Веди», но и «29/XI» — датой перенесения центра в Одессу. До апреля 1919 года он безвыездно находился в городе, курируя деятельность всех отделений. В этот период организация тесно сотрудничала с контрразведкой Белой армии (начальник - генерал-майор Орлов) и ее французским аналогом (начальник - м-р Порталь). Одной из важных задач тогда был перехват донесений "красных" из района Одессы в Центр. Возможно, благодаря этому перехвату, были ликвидированы знаменитая актриса Вера Холодная и красный разведчик Жорж де Лафар.

По показаниям В.В. Шульгина, которые он дал в ходе допросов в тюрьме Лефортово следователям МГБ СССР (в 1944 году Шульгин В.В. был арестован в Югославии и приговорен к 25 годам заключения, освобожден по амнистии в 1956 году, умер в 1976 году в г. Владимире), «Азбука» поддерживала связь с лицами Императорской фамилии и информировала их о положении в бывшей Российской империи и действиях Добровольческой армии. Ещё до захвата власти большевиками он лично организовал переезд вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны из Киева в Крым. В 1918 году была установлена связь с находящимися в Крыму Великим князем Николаем Николаевичем и Марией Фёдоровной. Николаю Николаевичу было предложено занять пост главнокомандующего Добровольческой армии, но тот отказался. Как известно, Романовых, находящихся в Крыму, удалось спасти. В 1919 году они были вывезены из России.

Сама Добровольческая армия тоже находилась под контролем «Азбуки». Такой контроль В. В. Шульгин называл «Азбукой-изнанкой» или «Азбукой-наоборот». В задачу входило информирование командования Добрармии о злоупотреблениях и ненадлежащем исполнении обязанностей представителей Армии. Такая информация передавалась особыми донесениями.

Известные члены "Азбуки":

Барцевич В. П. (1887-1922) - Генерального Штаба полковник, начальник киевского отделения «Азбуки». После освобождения Киева в августе 1919 г. - градоначальник; **Баумгартен Р.К.** - полковник, заведующий оперативной частью организации в Киеве. **Вакар А. П.** (1879-?) - курьер; по-видимому, ошибка в фамилии. **Вакар Н. П.** (1894-1970) - курьер; Вакар Н.П. курьером не был. **Васильева В. Е.** - секретарь Екатеринодарского отделения, псевдоним — «Принцесса»; **Гунта А. М.** - капитан, казначей Екатеринодарского отделения; **Демидов И. П.** - агент «Буки»; **Ефимовский Е. А.**; **Колюбакина М. А.** - член «Азбуки» с 24 августа 1918 года, машинистка Екатеринодарского отделения; **Кояндер Н. А.** - кадет, инженер-подпоручик, помощник начальника информационного отдела, член "Азбуки" с 1 декабря 1917 года, псевдоним «Како»; **Лазаревский В. А.** (1897 или 1899-1953) - журналист, сотрудник газеты «Киевлянин», сотрудник киевской «Азбуки»; **Лопуховский А. Я.** - прапорщик, член "Азбуки" с 1 декабря 1917 года, в 1919 году в Екатеринодаре помощник начальника информационного отдела; **Лопуховская М. М.** - член «Азбуки» с 1 октября 1918 года, машинистка Екатеринодарского отделения; **Максимович** - штабс-капитан, начальник курьерской службы, проживал в Париже; **Масленников Г. Г.** - морской офицер, помощник начальника отделения при Ставке Верховного Главнокомандующего; **Могилевский Ф. А.** (псевдоним «Эфем» 1886?-1920) - племянник В. В. Шульгина, студент Академии художеств, скульптор и журналист. Печатался в «Киевлянине». В годы Первой мировой войны служил под началом В. В. Шульгина в санитарном отряде Юго-Западной земской организации. Руководитель одесского отделения «Азбуки». Арестован Одесской ЧК. Расстрелян; **Разумихина Зинаида** - курьер; **Самохвалов П. Т.** (1869-?) - жандармский полковник, служил в Царстве Польском, член «Азбуки» с

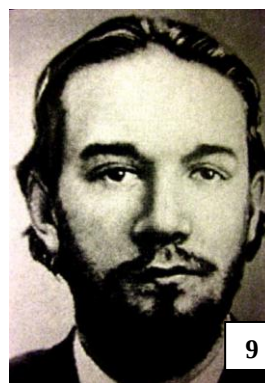
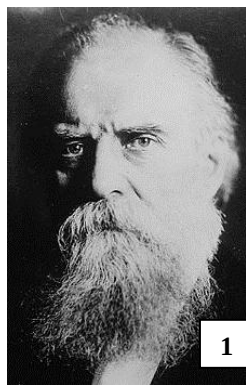
1 апреля 1918 года, псевдоним «Око», заместитель начальника отделения при ставке Главкома ВСЮР, начальник армейской контрразведки Русской армии, в эмиграции - помощник начальника 3-го отделения РОВС генерала Е. К. Климовича; **Серкаль** - сотрудник французской разведки, заместитель Эмиля Энно, секретарь и атташе французского консульства в Одессе, чех по национальности, агент «Добро»; **Степанов В. А.** - агент «Слово»; **Ткаченко А. П.** - прапорщик, курьер, член «Азбуки» с 1 мая 1919 года, старший отдела связи в Киеве; **Чикалин** - член киевского отделения, врач; **Шевченко Александр** - рассыльный Екатеринодарского отделения; **Шевченко Н. М.** - поручик, член «Азбуки» с 1 декабря 1917 года, комендант Екатеринодарского отделения в 1919 году; **Шевченко М. Г.** - унтер-офицер, член «Азбуки» с 15 ноября 1918 года, рассыльный Екатеринодарского отделения; **Шульгин В. В. (1899?- 1918)** - сын В. В. Шульгина, курьер «Азбуки» в 1918 году; **Шульгин В. В. (1901?- 1925?)** - сын В. В. Шульгина, курьер «Азбуки» с 1 января 1919 года; **Шульгина Е. Г.** - супруга В. В. Шульгина; **Шульц** - прапорщик; **Фиалковский Ю. Е.** - подпоручик, в «Азбуке» с 15 августа 1919 г., курьер;

В ноябре (1920-20) я овдовел. Варвара Васильевна умерла от преждевременных родов. Похоронена на кладбище Батиньоль.

В несогласных с генералом Врангелем кругах эмиграции образовался тайный **"Центр действия"** под председательством Н.В. Чайковского для продолжения борьбы с большевиками внутри страны. В него вошли кадеты: И.П. Демидов, Н.К. Волков, А.В. Карташёв, В.Ф. Зеелер, П.Ю. Зубов; народные социалисты: М.А. Алданов, А.С. Альперин, А.А. Титов, "эс-эры": И.И. Бунаков, В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев; беспартийные: генерал Н.Н. Головин, Н.П. Вакар, А.Ф. Ступницкий.

Для справки.

Лидеры "Центра Действия" упомянутые Николаем Платоновичем Вакаром

- **Чайковский Николай Васильевич** - 1850-1926, русский революционер, председатель Временного правительства Северной области в Архангельске, (1-е фото);

- **Демидов Игорь Платонович** - 1873-1946, журналист и общественно-политический деятель, член IV Государственной Думы (2-е фото);

- **Волков Николай Константинович** - 1875-1950, депутат III и IV Государственной Думы (3-е фото);

- **Карташёв Антон Владимирович** - 1875-1960, последний обер-прокурор Синода, министр Временного правительства (4-е фото);

- **Зеелер Владимир Феофилович** - 1874-1954, министр внутренних дел Южнорусского правительства в 1919-1920 гг. (5-е фото рисунок В. Барсова);

- **Зубов Павел Юльевич** - 1871-?, вологодский помещик, заместитель городского Головы Вологды, секретарь Северного правительства;

- **Алданов, ур. Ландау Марк Александрович** - 1886-1957, писатель, философ, (6-е фото);

- **Альперин Абрам Самойлович** - 1881-1968, юрист, общественный деятель, промышленник, масон;

- **Титов Александр Андреевич** - 1878-1961, химик, предприниматель, заместитель министра продовольствия Временного правительства (7-е фото);

- **Бунаков ур. Фондаминский Илья Исидорович** - 1880-1942, религиозный деятель, революционер, масон (8-е фото);

11

- **Зензинов Владимир Михайлович** - 1880-1953, политический деятель, депутат Учредительного собрания (9-е фото);

- **Авксентьев Николай Дмитриевич** - 1878-1943, политический деятель, масон, министр внутренних дел Временного правительства (10-е фото);

- **Головин Николай Николаевич** - 1875-1944, генерал-лейтенант, профессор Николаевской академии Генерального штаба (11-е фото);

- **Ступницкий Арсений Федорович** - 1893-1951, юрист, поручик Добровольческой армии и ВСЮР, журналист, масон.

12

Весной 1921 года полковник Н.Н. Пораделов (**Пораделов Николай Николаевич** - ?-?, полковник, начальник охраны Керенского, видный масон) был отправлен в Финляндию для связи с Кронштадтским восстанием, а я в Варшаву для переговоров с Б.В. Савинковым (**Савинков Борис Викторович** - 1879-1925, революционер, террорист, политический деятель, писатель, 12-е фото) об установлении отдельной и независимой от него связи ЦД с Россией через Польшу. Связь удалось наладить при посредстве Б.А. Евреинова (**Евреинов Борис Алексеевич** - 1889-1933, историк, поэт, политический и общественный деятель) и Д.К. Капацинского (**Капацинский Дмитрий Константинович** - 1900-1956, экономист, агент Центра Действия, а затем Республиканского Демократического объединения Милокова П.Н.) (поселившегося в местечке Корец на советской границе), но ответы из России начали приходить неясные, сбивчивые, противоречивые.

Весной 1922 года решено было отправить меня в Россию нелегально южным путем (через Польшу), а А.Ф. Ступницкого северным (через

Эстонию). Ступницкий, едва переплыв через озеро, был арестован, но успел бежать. Я же, отставив бороду и превратившись в маляра-

художника (фото Вакара Николая Платоновича в Польше, июнь 1922 года), благополучно добрался до Киева, а потом до Москвы, повидал, кого следовало, уговорился с ними о дальнейших планах и, шесть недель спустя, тем же путем вернулся через Польшу в Париж.

Опять предоставим слово Елизавете Платоновне Матвеевой (Вакар).

"Май месяц 1922 года принес нам огромную радость - мы встретились с братом Колей. Встреча была потрясающе неожиданной. Коля совершал нелегальное путешествие из Парижа в Москву через Киев. Каким-то образом, верно, от Толи Беклемишева, он узнал, что мы живем в Белом Береге, и назначил нам через кого-то свидание в Киеве. Мы с папой поехали очень взволнованные этим известием, строго соблюдая конспирацию, об этом нас предупредили. Встреча была волнительно радостной в маленьком, незаметном кафе (не

помню на какой улице). Когда мы зашли в кафе, навстречу нам шел высокий мужчина с темными бородой и усами, в черных очках, в потрёпанном старом чёрном пальто. Мы не сразу узнали в нем Колю (такова была его маскировка). Мы вели себя сдержанно, стараясь не обращать на себя внимание, за отдельным, отдаленным столиком.

Свидание наше было не долгим. Коля торопился, но успел кратко рассказать о своей жизни - отъезд из Ростова, затем переезд вместе с Варюшей на пароходе из Новороссийска в Константинополь, потом Чехословакия, Германия и Франция, тяжелая жизнь без средств в эмиграции при слабом знании языка. В Париже приходилось выполнять различные работы - чернорабочий, водитель такси и, наконец, журналист в эмигрантской газете "Новое время". В первый же год в Париже умерла Варюша от неудачного аборта, он очень тяжело перенес это несчастье. Коля расспрашивал нас о нашей жизни, о маме и был глубоко опечален рассказом о ее смерти в Ростове в 1920 году. Посидев и поговорив кратко с Колей, мы расстались на долгие годы (45 лет), ничего о нем не зная и не имея от него вестей.

Доклад мой был неутешителен. В России начинался НЭП (Новая экономическая политика), революционные настроения сменялись надеждой на быструю эволюцию, отделы ЦД в Москве и Киеве создались не столько ради немедленного свержения советской власти, сколько для обмена информацией и выработки общей программы действий.

Журнал "Новь", в котором на тонкой бумаге печатались статьи, получаемые из России, и ответные из эмиграции, в пачках отправлялся нелегально в Россию. Не помню, сколько номеров "Нови" вышло (международный обзор составлял для журнала П.Н. Милюков, осведомленный о работе Центра Действий, но в него не входивший)

(Миллюков Павел Николаевич - 1859-1943, политический деятель, историк, публицист, министр иностранных дел Временного правительства в 1917 г., фото). Опыт, во всяком случае, длился меньше года. Осенью 1923 года издание журнала было прекращено, так как оно не оправдывало риска, которому подвергались курьеры и явочные квартиры в Киеве и Москве.

Действительно, несколько месяцев спустя, стало известно об аресте киевской группы Центра Действия. Среди арестованных были несколько профессоров и преподавателей университета, видные представители киевской интеллигенции. Советы решили устроить публичный процесс в здании городского театра Киева. Большинство членов московской группы Центра Действия осенью 1922 года оказались в числе высланных из России советским правительством, а среди немногих оставшихся не нашлось предателя. Никто выдан не был и не пострадал.

Киевская же группа была выдана одним из первых ее членов Г. Московичем, бывшим сотрудником правой газеты "Киевлянин" (**Москович Александр Георгиевич - ?-?, окончил юридический факультет университета в Киеве, работал в газете "Киевлянин" и был близок к В.В. Шульгину**). Суду было предано 18 человек. Дело получило широкую огласку за границей, как "процесс профессоров", вызвало шумные протесты международной печати и призывы к советскому правительству о снисхождении со стороны французского, германского, итальянского правительств, бельгийского парламента и британской Палаты Общин. В результате Москва заменила подсудимым смертную казнь десятилетним тюремным заключением и ссылкой. Стенографический отчет судебного процесса был опубликован большевиками отдельной книгой; экземпляр ее хранится в библиотеке Гуверовского института в г. Пало Альто, Калифорния. Переживать тяжелую судьбу друзей, чувствуя свою ответственность и бессилие в безопасном Париже, было не легко. С той поры я прекратил всякое участие в "заговорщицкой" деятельности внутри России.

Для справки

**"Центр действия" перестает действовать" из книги Д. Голенкова
"Крушение антисоветского подполья в СССР" (т. 2, М. 1975)**

В 1921 г. в Париже несколько «активистов» из числа бежавших из России деятелей задумали создать новый центр для продолжения антисоветской борьбы в условиях новой экономической политики. Это были председатель ликвидированного «Верховного управления Северной области», лидер партии народных социалистов Н. В. Чайковский, кадеты А. В. Карташев, Н. П. Вакар и другие. Они исходили из того, что в России в скором времени должна произойти «национальная революция», которая-де приведет к свержению Советской власти. Для содействия такой «революции» они считали необходимым создать на советской территории подпольные ячейки. Учредители назвали свою организацию «Центром действия»,

образовали ее руководство в Париже и выработали «Наказ ответственным руководителям центров действия на местах».

В «Наказе» излагались задачи созданной организации: «Пробуждение жизни в существующих в России легальных обществах и организациях, возбуждение в них разного рода общественных вопросов и политическая пропаганда среди селянства, рабочих, красноармейцев и учащейся молодежи...»

Для проведения этой «работы» в России на местах создавались «областные центры действия», которые, в свою очередь, должны были организовать сеть ячеек в разных слоях населения, вовлекая в них «наиболее активных и самоотверженных людей». В ячейках предполагалось собрать те «специальные кадры» из представителей различных политических группировок - от правых кадетов вплоть до народных социалистов, - «которые могут быть использованы непосредственно после свержения Советского правительства в качестве военной и технической силы». «Центр действия» не определял конкретно будущего государственного строя России после свержения Советской власти. Сразу после переворота власть намечалось передать временному органу верховного управления.

Разведывательные службы Франции и Польши выразили готовность содействовать «Центру действия», если он будет за это поставлять им шпионские сведения о Советской России. Так возникла неофициальная сторона деятельности «Центра действия» - добывание секретных сведений о военном, политическом и экономическом положении Советской России для разведок Польши и Франции. Особенно отличались в организации шпионской работы **Н. П. Вакар**, скрывавшийся под кличками Зело, Зелинский, и главный резидент «Центра действия» в Варшаве **Б. А. Евреинов** - Гусар. Они создали резидентуры в польских пограничных городах Корец и Ровно и превратили «Центр действия» в контору, торгующую шпионскими сведениями.

В апреле 1922 г. **Вакар** отправился из Польши в «инспекционную» поездку в советский тыл и пробрался в Киев. Разыскав здесь старого товарища по гимназии **А. В. Яковлева**, **Вакар** рассказал ему о своем участии в подготовке свержения Советской власти, предложил вступить в «Центр действия» и образовать в Киеве молодежную группу интеллигенции. Задачей этой группы могло бы быть создание вооруженных отрядов, издание и распространение антисоветского пропагандистского журнала, участие в образовании городской думы, которая приступит к работе после переворота, и т. п. Яковлев вначале пытался возражать **Вакару**, высказывая сомнения в реальности оживления в настоящее время антисоветского движения, но в конце концов согласился организовать группу академической молодежи.

Затем **Вакар** принялся за организацию в Киеве руководящего «областного центра действия». О своих целях он рассказал старому знакомому, бывшему царскому прокурору Киевской судебной палаты **С. М. Чебакову**, служившему теперь в земельном отделе коммунхоза. **Вакар** просил его собрать видных и верных людей и обещал выступить перед ними с докладом о деятельности парижского «Центра действия». Через несколько дней на квартире бывшего товарища министра просвещения при Временном правительстве и министра просвещения при гетманщине профессора Киевского института народного хозяйства, в прошлом члена ЦК кадетской партии **Н. П. Василенко** состоялось нелегальное собрание. Помимо **С. М. Чебакова** и хозяина квартиры на этом собрании были: брат хозяина, бывший видный меньшевик **К. П. Василенко**; работавший в губернском статистическом бюро профессор **П. П. Смирнов**; бывший кадет адвокат **Л. Э. Чолганский**. Заседание длилось с перерывами три дня. Главным докладчиком был **Вакар**. Характеризуя международное и внутреннее положение страны, он утверждал, что в России вот-вот произойдет переворот, к которому призывал подготовиться, чтобы взять власть в свои руки, и предложил образовать в Киеве

руководящий «областной центр действия». Доклад **Вакара** вызвал критику. Собравшиеся указывали, что лидеры «Центра действия» в Париже не знают русской действительности, что их надежды на насильственный переворот в России иллюзорны и необоснованны. Профессора указывали, что сейчас в связи с новой экономической политикой положение в стране стабилизируется и должно постепенно измениться в сторону все большей «демократизации общественной жизни» (так они именovali возрождение капитализма и буржуазной демократии). В сущности, они высказали взгляды, близкие к «сменовеховским». Все же они согласились создать в Киеве «областной центр действия» для сплочения своих сил и участвовать в издании и распространении нелегального журнала под названием «Новь».

Вакар доверительно рассказал Чебакову о том, что в Киеве существует тайная техническая «линия связи», через которую «областной центр действия» сумеет вести переписку, пересылать материалы и получать издаваемый за границей нелегальный журнал. Он познакомил Чебакова с заведующим «линией связи» Б. Ю. Павловским и рекомендовал ему в целях конспирации переписку «областного центра действия» с Парижем вести за подписью «Катя». Закончив организационную работу в Киеве, совершив с этой же целью поездку в Москву, **Вакар** отбыл за границу.

Вначале деятельность подпольных групп, созданных **Вакаром** в Киеве, протекала оживленно. Собирался «областной центр действия», его члены рассуждали о будущем устройстве России, разрешали текущие дела. Чебаков через «линию связи» передавал в Париж материалы для журнала «Новь». Сообщения «областного центра действия», которые обычно в форме «дружеских писем» писал К. Василенко, также направлялись в Париж, а оттуда поступали указания. В течение августа - ноября 1922 г. из-за кордона было доставлено некоторое количество экземпляров двух изданных номеров журнала «Новь» для распространения.

Признаки жизни проявляла и молодежная группа. Яковлев вовлек в нее ассистента Института народного хозяйства Л. М. Венгерова, преподавателя того же института П. С. Тартаковского. В эту же группу вошел и скрывшийся позднее от суда Г. Швайковский. Участники молодежной группы вели бесплодные разговоры о создании ячеек среди студенчества. Яковлев несколько раз обращался к представителю «областного центра действия» профессору Смирнову, предлагая свои услуги для работы в журнале «Новь», но «старшие» отказывались от сотрудничества с «молодыми», считая Яковлева легкомысленным, увлекающимся человеком.

Как-то летом Яковлев через Г. Швайковского познакомился с военным работником, помощником начальника 1-го отделения штаба Киевского военного округа С. П. Единевским. Помня задание **Вакара** о создании подпольных вооруженных отрядов, Яковлев предложил Единевскому взяться за эту работу. Единевский отказался, заявив, что не имеет знакомых, которые согласились бы вступить в отряд. Но при следующих встречах Единевский предложил Яковлеву секретные военные документы, которые могут быть полезными «Центру действия». Получив эти документы, Яковлев поспешил к профессору Смирнову и дал их ему для использования «областным центром действия». Смирнов передал документы Чебакову, а тот - заведующему «линией связи» Павловскому. Последний поручил курьеру «линии связи» М. А. Онищенко-Павлюку (Молодому) отвезти документы в Полонное и передать за границу, что последний и выполнил. Документы попали в главный штаб польской армии. Так и «старшие» и «младшие» участники киевской группы скатились в общее русло шпионской деятельности «Центра действия».

Наиболее важной частью подпольной организации в Киеве являлась тщательно оберегаемая «линия связи», созданная в марте 1921 г., еще до возникновения «областного центра действия». Сначала в ней работали связистками сестры Куцеваловы - Леонида ("Пианистка") и Зинаида ("Гимназистка"),

вовлеченные в преступную работу братом, бывшим капитаном деникинской армии Бонифацием Куцеваловым, резидентом шпионской организации в польском местечке Корец. Сестры Куцеваловы принимали курьеров, приезжавших из-за границы, получали от них материалы и деньги, имели шифры и передавали за границу шпионские сведения. Активнейшим курьером начиная с 1921 г. являлся бывший деникинский доброволец Онищенко-Павлюк. Он неоднократно с помощью польских разведывательных органов пробирался из Польши в Киев и обратно, перевозил материалы и деньги, связывался с заведующими «линией связи», а также выполнял задания по сбору шпионских сведений для польских властей.

С апреля 1922 г. заведующим «линией связи» в Киеве стал бывший подполковник генерального штаба царской армии и опытный разведчик Б. Ю. Павловский, носивший клички "Варин" и "Мухин". Он поселился на квартире Варвары Виноградовой, которую постепенно вовлек в свою работу. Павловский наладил связи с заграницей через жителей Новоград-Волынского и местечка Полонное, профессиональных контрабандистов О. Кереш и Шарвар, и использовал в качестве курьеров незаметных лиц, женщин и родственников разведчиков, в том числе сестру и мать резидента шпионской организации в польском местечке Корец бывшего офицера Д. Капоцинского (Орленка) - Анну и Марию Капоцинских. Пожилая женщина, Мария Капоцинская по заданию шпионов нелегально переходила границу, переносила шпионские материалы, которые тщательно заклеивались в жестяные коробки или в чемодан с двойным дном. После смерти Павловского в декабре 1922 г. «линией связи» стала заведовать В. В. Виноградова, под кличкой "Соломон".

В мае - июне 1923 г. главный резидент «Центра действия» Б. А. Евреинов ("Гусар") сообщил из-за границы по «линии связи» в Киев, что парижский «Центр действия» распался и что он, Евреинов, выехал в Прагу и ведет переговоры об издании нового журнала, в котором предлагает участвовать и киевским «активистам». Получив это письмо, Чебаков возмутился. Он считал, что еще можно было «действовать», когда во главе организации стояли такие хорошо известные в антисоветской среде лица, как Чайковский. Но после того, как «Центр действия» распался, не могло быть и речи об участии киевских «активистов» в новом предприятии Гусара.

В июле 1923 г. работники Киевского отдела Государственного политического управления, давно уже напавшие на след организации и наблюдавшие за нею, арестовали всех наличных участников старшей и молодежной групп и «линии связи» «Центра действия». Большинство арестованных признали свою вину. По окончании расследования суду были преданы 18 человек, из них несколько профессоров и преподавателей высших учебных заведений. Дело это рассматривалось в марте - апреле 1924 г. в Киевском губернском суде.

Процесс вызвал широкие отклики в стране и за рубежом. Белоэмигрантские круги подняли кампанию по поводу «притеснений» интеллигенции и профессуры в Советском Союзе. Президент Франции Пуанкаре, известный своей ненавистью к революции, решил даже вмешаться в ход судебного процесса. В телеграмме на имя народного комиссара иностранных дел 7 апреля 1924 г. он выражал опасение, что профессорам, потеря которых «болезненно ощущалась бы как сокращение мирового интеллектуального достояния», может быть вынесен смертный приговор.

Генеральный прокурор Украинской Советской Социалистической Республики Н. А. Скрыпник заявил: «С глубоким негодованием отвергаем мы какое бы то ни было право Пуанкаре на моральные сентенции. Не Пуанкаре, у которого руки в крови рабочих, протестовать против высшей меры наказания, применяемой к шпионам. Разве во Франции не продолжается действие военно-исключительного положения, по которому шпионы приговариваются к высшей мере наказания? Разве французский буржуазный суд перестал быть классовым, пристрастным?

Разве по подозрению в большевизме сотни и тысячи французских солдат не заключены в тюрьмы?.. С глубоким возмущением и омерзением надо отнестись к лицемерному заявлению Пуанкаре в пользу польско-французских шпионов. Из 18 обвиняемых по делу «Центра действия» лишь 3 принадлежат к профессуре. Это десятистепенные величины из цеха ученых».

8 апреля 1924 г. Киевский губернский суд вынес приговор, по которому четырех обвиняемых приговорил к условному наказанию; Леониду и Зинаиду Куцеваловых - к 5 годам лишения свободы; шпионку Анну Капоцинскую - к 7 годам лишения свободы; профессора Н. П. Василенко, К. П. Василенко, Б. Н. Толпыгу, адвоката Л. Э. Чолганского, профессора П. П. Смирнова и шпиона М. А. Онищенко-Павлюка - к 10 годам лишения свободы; изменника С. П. Единевского, бывшего царского прокурора С. М. Чебакова, А. Я. Яковлева и заведующую шпионской «линией связи» В. В. Виноградову - к высшей мере наказания - расстрелу.

16 мая 1924 г. Президиум Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета, рассмотрев ходатайство осужденных о помиловании, вынес решение: «...установив, что контрреволюционная организация «Киевского областного центра действия» при всей контрреволюционности стремлений инициаторов и руководителей его была лишь бессильной и беспочвенной попыткой представителей старой буржуазии к восстановлению капиталистического строя; что попытка эта была заранее осуждена на полную бесплодность ввиду враждебного отношения к ней со стороны широких масс рабочего класса, крестьянства, а также украинской и русской интеллигенции, что выразилось в широких демонстрациях и массовых собраниях трудящихся; что государственная измена и шпионаж... на деле существенного вреда не принесли... а потому, принимая во внимание действительное и чистосердечное раскаяние принесших просьбу о помиловании, Всеукраинский Исполнительный Комитет постановляет... заменить установленную утвержденным Верховным судом УССР приговором Киевского губернского суда высшую меру наказания в отношении осужденных Чебакова Сергея, Единевского Сергея, Яковлева Алексея и Виноградовой Варвары - 10 годами лишения свободы со строгой изоляцией и поражением прав сроком на 5 лет каждого. В отношении Куцеваловой Леониды, Куцеваловой Зинаиды, Капоцинской Анны, Василенко Николая, Толпыги Бориса, Чолганского Леонтия, Смирнова Павла, Онищенко-Павлюка Михаила, осужденных к разным срокам лишения свободы, срок наказания сократить наполовину».

Кроме «Киевского областного центра действия» органы ГПУ ликвидировали также немногочисленные кадры «Центра действия» в других городах России, в том числе в Москве. Попытка контрреволюции создать новый «центр» борьбы против Советской власти провалилась.

В связи с киевским процессом Николай Платонович Вакар, имя которого не раз упоминалось на суде и было тесно связано с показаниями некоторых подсудимых, 19 апреля 1924 года дал интервью парижской газете "Последние новости". Приведем выдержки.

По его мнению, в процессе необходимо строго разграничить обвинение в «контрреволюции» от обвинения в «шпионаже». О характере «контрреволюции» дают достаточное представление собственные заявления подсудимых. Дело же о «шпионаже» является пристегнутым при помощи провокации, чтобы легче было расправиться с «контрреволюционерами».

Н.П. Вакар сообщил, что, действительно, весной 1922 года он, в качестве представителя некоторых общественных и политических кругов, совершил поездку в Россию, нелегально перейдя польско-советскую границу. Характерным обстоятельством этой поездки является то, что Польша, после выступления Н.П. Вакара по вопросу о русско-польском размежевании (на банкете представителей

Людской партии и Варшавского отдела «Союза Возрождения» в марте 1922 г.), отказала ему в визе, и нелегальная его поездка началась с чешской границы.

Коммунистический суд, – сказал Н.П. Вакар, – пытался пристегнуть к делу о шпионаже, в числе прочих, и меня. Если это нужно для кого-нибудь, то могу сообщить, что вынужден я был ехать через Польшу нелегально (под именем Зелинского), переходил советско-польскую границу пешком и ночью, тщательно минуя и большевистские, и польские пограничные посты. Нечего говорить, конечно, что я был лишен возможности общаться с какими-либо польскими властями, если бы даже и хотел.

Я знаю лично далеко не всех подсудимых. С точки зрения обвинительного акта, они делятся на группу «политическую» (Чебаков, Смирнов, оба Василенко, Чолганский, Яковлев, Тартаковский, Венгеров, Толпыго, Ясловский, Оберучева) и на группу «техническую» (Виноградова, обе Капуцинские, обе Куцеваловы, Онищенко). Роль и личность Единевского неясны. По-видимому, до процесса никто из подсудимых его не знал и о нем не слышал. Я тоже не знал его и не слышал о нем. В «технической» же группе оказалось лицо (Онищенко), занимавшееся, как теперь выяснилось на суде, шпионажем в пользу Польши. Советский суд нашел поэтому удобным свалить всех в одну кучу. Я знаю, что Онищенко пользовались за плату для пересылки нелегальной почты. Пользовались для этого и просто контрабандистами. Чем все эти люди занимались, кроме того, конечно знать было невозможно, и никто из подсудимых за эти «занятия», естественно, отвечать не может.

Вообще, технической стороной нелегальной почты ведал не я, поэтому подробности ее работы не знаю. Онищенко был мне представлен в Польше в качестве «курьера», как «расторопный и добросовестный работник», т.е. если возьмет деньги за работу, то не надует и работу выполнит. Его услугами поэтому неоднократно пользовались, но доверия ему не оказывалось. Ни он не знал никого из киевлян, ни киевляне его не знали, кроме покойного заведующего «линией связи» Б.Ю.Павловского и Виноградовой, которым он сдавал почту и которых он же оклеветал и предал. Он же, вероятно, и завладел после смерти Павловского злосчастными «военными документами», относительно которых Чебаков недаром заподозрил провокацию. Едва ли стоит упоминать о клевете Онищенко и на меня – будто бы я «соблазнил его на службу Польше».

В этой лжи и клевете и заключалась его миссия на процессе. При их помощи «расторопный малый» пытался опорочить людей невиновных и тем искупить перед советским судом свою собственную вину. Однако, думаю, эта его миссия была напрасной, если не считать, что он спас свою шкуру. Кто знает «политическую группу» подсудимых и Виноградову, такому обвинению все равно не поверит.

С своей стороны могу указать, что все, кого я видел в Киеве и кто пережил польскую оккупацию Украины, отзывались о Польше не только с враждой, но и с ненавистью. Смирнов, Чебаков, Виноградова, Яковлев стали жертвой чекистской провокации и собственной доверчивости, и обвинение их в «польском шпионаже» – недопустимый и вопиющий абсурд. Нечего так же говорить и о том, что ни журнал «Новь», ни издававшая его парижская группа никаких военных материалов не собирала, т.к. – из содержания «Нови» да и из самого обвинительного акта это явствует – военными делами не занималась, интервенцию отрицала, задачу свою видела «в правильном понимании того, что происходит в России», кроме того, и существование свое прекратила больше года назад, т.е. за несколько месяцев до начала киевских арестов.

Больше сказать ничего не могу. О самом процессе знаю лишь по советским судебным отчетам, к которым рекомендую относиться с особой осторожностью.

Прекратив издание "Нови", я поступил рабочим на вагоностроительный завод в Сан-Дени - подметать пол мастерских, вывозить сор в ручной тележке на свалку: ниже меня на пролетарской лестнице никого не могло быть! Я описал мой пролетарский опыт в газете, и меня вскоре пригласили на должность секретаря в Комитете помощи голодающей интеллигенции в России. Существовать на голодное жалование такого секретаря было трудно, и я стал готовиться к экзаменам на шофера такси. Два месяца я работал шофером такси на улицах Парижа, но повредил машину на каком-то крутом повороте и потерял службу. Пока искал новую, начал писать статьи и рассказы для газеты "Последние новости", постепенно стал постоянным сотрудником, превратился в профессионального журналиста. В последние годы перед войной я был одним из директоров Общества иностранной печати во Франции. Помимо ежедневной работы в "Последних новостях", отдельные статьи мои распространялись посредством Agence littéraire internationale и Agence de presse mondiale "L'Espresso", печатались на шестнадцати языках.

В период своей жизни во Франции Николай Платонович Вакар вступил в масонскую ложу "Астрея", о чем он умалчивает в своей автобиографии. Рассмотрим его путь в этом качестве по книге О. Соловьева "Русские масоны от Романовых до Березовского" (Москва, издательство Эксмо, Яуза, 2004).

12 октября 1923 года Д.А. Шереметев письменно уведомил брата Николая Платоновича, (Николай Платонович Вакар посвящен в масоны и введен в состав ложи "Астрея" в сентябре 1923 года по рекомендации Николая Васильевича Чайковского), что по правилам к каждому посвященному в первую степень ученика назначается для инструктирования мастер для подготовки неопита ко 2-му градусу подмастерья, и затем уже тот самостоятельно поработает над собой ради проникновения в тайны масонства. Таким прикрепленным руководителем Вакара был назначен Б.В. Дезобри, с каковым следует находиться в «возможно частых общениях вне наших собраний и обращаться к нему за советами и разъяснениями во всех случаях, когда вам нужен братский совет». Вряд ли молодой банковский служащий Дезобри, получивший степень мастера только в мае 1923 года, оказался в чем-то полезным умудренному Вакару. Но в марте 1924 года тот был возведен во вторую степень, а через семь месяцев стал мастером. Однако в 1928 - 1929 гг. он был то ли радиирован (удален из списка), то ли вообще исключен из ложи «Астрея».

Следующий документ из бумаг Вакара: "Как я понял, то, что узнал в 1-ом градусе", представляет собой мешанину из общеизвестных положений масонской доктрины, фактов истории Ордена и раскрытия значения чисел от единицы до трех, как о том учат впервые посвященных. Общий вывод со ссылками на божественное откровение и Пресвятую Троицу представлялся ему результатом пути и заветом русскому братству. Опыт, дескать, налагает на нас, русских братьев, "бремя сугубого молчания и сугубого охранения Великого Искусства от русских невежд, пока мы же сами не подготовим и не осуществим свободы для братьев в России".

Несмотря на быстрое продвижение по иерархической лестнице, сей масон не проявил должного прилежания и аккуратности в уплате установленных сборов при довольно безбедном существовании. В 1924 г. он заплатил лишь 30 франков вместо положенных 60, в следующем году — 45, и к концу 1926 г. образовалась недоимка в 135 франков, о чем он получил уведомление от казначея Н.И. Наумова

с просьбой погасить сумму на ближайшем собрании, переслать чеком или почтовым переводом.

Вскоре его побеспокоил досточтимый мастер «Астреи» В.Л. Вяземский с предложением о встрече, в надежде, что «вы не лишите нас вашего сотрудничества в деле, которое, я думал, вам и мне одинаково дорого». Нерадивый брат отвечал так: «Вы правы, я сам уже не помню, сколько времени я не бывал в «Астрее». Основная причина — перегруженность мирскими делами: работаю в среднем от 9 часов утра до 1 часа ночи и не имею праздников; в те же редкие дни, когда выдается свободное время, откровенно скажу, нет большой охоты идти... С некоторого же времени мне все тверже хочется не только не ходить, а просто выйти. К чему числиться, раз нет возможности принимать участие в общей работе? В пользу такого решения есть к тому же и другие существенные поводы - о них при личном свидании». Как на один из поводов, он сослался на необходимость выступать «оппозиционно» каждый раз при редких посещениях. Вакар изъявлял готовность переговорить с Вяземским, но только после возвращения из Англии в январе 1927 г.

Но вернемся к двум поступкам Вакара. В качестве истинно православного и воцерковленного человека, предпочитая открыто демонстрировать свою религиозность, в письме досточтимому мастеру «Астреи» Макшееву от 24 января 1924 г. он возмущенно сообщил о проведении накануне братством «Союз Народов ВЛФ» собрания, посвященного «прославлению Сатаны». Некий акафист там зачитал французский брат Юмери, кончая каждый абзац напевным возгласом «О Сатана, брат людей!» и отождествляя дьявола с человечеством, а закончил выступление гимном врагу рода земного, используя стихи знаменитого французского поэта Бодлера. В заключительном слове досточтимый мастер поблагодарил докладчика за «интересное и захватывающее» сообщение, подчеркнув масонский характер выступления.

И Вакар заключал угрожающе: «Если в Братстве не будет явлена воля к ограждению от оскорбления со стороны братьев религиозного чувства верующих, должен буду покинуть Братство, ибо, стало быть, попал не туда, куда думал попасть. Незачем находиться в среде, которая не уважает то, что для меня дороже этой самой среды. Так же, думаю, рассудят и поступят другие наши братья, искренно верующие и искренне преданные своей вере». Очевидно, Вакар продолжал жить представлениями о дореволюционной России, опутанной духовной цензурой, и даже не представлял себе, будто на Западе многие люди утратили всякую веру, превратились в атеистов или даже исповедовали сатанинский культ, столь модный ныне и в нашей стране.

Макшеев оказался в трудной ситуации, не разделяя набожности подопечного, который отличался и большим упрямством. Предпринимать демарш перед федеральным советом собственной Великой Ложы он явно не собирался, но предпочитал не обострять отношений и с Вакаром. Пришлось пойти на маленькую хитрость, поручив помощникам составить при содействии Вакара проект решения для французского начальства без отправки его адресатам. В архиве сохранилась такая бумага в «лучших» партийных традициях, гласившая: «Заслушав и обсудив сообщение о случае прославления Сатаны в одном из французских братств на собрании 23 февраля 1924 г., ложа «Астрея» (№ 500) усматривает в этом событии существенное нарушение масонской лояльности в отношении верующей части братьев и глубоко осуждает его как поступок, противоречащий Закону, обычаю и духу масонской организации. Однако, принимая во внимание свое особое положение русской ложи во французском Ордене и не считая себя поэтому вправе вмешиваться в деятельность французских лож, ложа «Астрея» переходит к обсуждению вопросов порядка дня».

Возможно, на время такой исход удовлетворил Вакара, затаившего, впрочем, обиду на офицеров своего братства. Желая блеснуть эрудицией и одновременно попенять братьям и Макшееву, Вакар выступил в феврале 1926 г. на собрании не своей, а ложи союза ВЛФ с докладом о взаимоотношениях христианства и масонства в духе типичных церковных проповедей, подчеркивая крайнюю необходимость во всем следовать воле Божьей, стоящей выше Родины и семьи. «Услышав голос Божественной мудрости, вольный каменщик по любви к людям должен оставаться среди них, в миру осуществлять познанную истину», чем без дополнительных призывов и без того руководствовался каждый адепт Ордена. Доклад не вызвал оживленных прений.

Вернемся к автобиографии Николая Платоновича Вакара.

В 1926 году я женился на Гертруде Павловне Клафтон, дочери русских англичан из Архангельска.

Для справки

Гертруда Павловна Клафтон (фото) родилась 16 сентября 1904 года в г. Ревель (ныне - Таллинн, Эстония) и была старшей из пяти дочерей в семье Клафтонов. Отец Павел Яковлевич, как и дед Яков (Джеймс) оставались британскими подданными. Мать Августа Михайловна Каунисаари была финско-немецкого происхождения. Родным языком Гертруды Павловны был русский, на английском, немецком и французском она говорила и писала свободно.

После рождения первой дочери семья переселилась в Архангельск, а в марте 1918 года в связи с революционными событиями в России покинула город, бросив все свое имущество, и переехала в Англию. Гертруду на учебный год оставили в Швеции. По его истечении она поступила в Русский лицей в Париже, который окончила на отлично в 1923 году. Затем прослушала несколько курсов в Лондоне, работала там в отеле "Савой" в качестве переводчика-секретаря и в 1926 году вышла замуж за Николая Платоновича Вакара. В семье родились две дочери, и Гертруда Павловна очень гордилась своей ролью "хранительницы домашнего очага".

В 30-х годах в Париже она начала активно заниматься переводческой деятельностью и перевела на русский язык для подвалов "Последних новостей" 39 романов (37 - с английского и 2 - с французского). После переезда с семьей в Соединенные Штаты Америки она оказывала значительную помощь мужу в освоении им английского языка, сборе материалов и защите докторской диссертации. Для этого она дополнительно изучила польский и украинский языки, при том, что содержание семьи и воспитание дочерей целиком лежало на ее плечах.

Когда финансовое положение Вакаров упрочилось, она вернулась к переводам, и к концу 60-х годов считалась лучшим американским переводчиком в области истории, психологии, социологии. В эти же годы она начала публиковать свои стихи в газете "Новое русское слово", издала несколько сборников.

Гертруда Павловна Вакар скончалась 2 декабря 1973 года, не дожив нескольких месяцев до 70-ти лет. Похоронена вместе с мужем.

Через год родилась дочь Катя (**Екатерина Николаевна Вакар** 1927 г.р., в замужестве **Catherine Chvany** (фото), славист, профессор Массачусеттского технологического

института, муж - **Чвани Лаврентий**, дети: **Дебора 1949 г.р., Варвара 1951 г.р., Михаил 1953 г.р.**), два года спустя - вторая дочь Анна (**Анна Николаевна Вакар 1929 г.р. (фото)**, литературный критик и поэт, дважды была замужем, детей нет, живет в Канаде). Война застала детей в летнем лагере близ Гренобля. Правительство решило детей в Париж не возвращать, лагерь РСХД (*Русское студенческое христианское движение*) был переведен с итальянской на испанскую границу, и туда, в город По, к жене и детям удалось уехать только к Рождеству. Я остался в Париже один.

В числе моих обязанностей было проведение газеты через ночную военную цензуру. Я возвращался домой к трем часам утра, такси в городе не было, пришлось завести велосипед. Он и выручил меня, когда 13 июня 1940 года мы с Н.В. Калишевичем (Р. Словцовым) (**Калишевич Николай Викторович**, псевдоним **Р. Словцов - 1881-1941**, журналист, литературный критик, мемуарист, член парижского Союза русских писателей и журналистов, *фото*) сдали в печать последний номер "Последних новостей", и я бежал из Парижа за несколько часов до вступления немцев в город. Бежал я на велосипеде, захватив только зубную щетку и смену белья, бросив квартиру и имущество на произвол судьбы. Проехал я всю Францию от Парижа через горный массив до долины По ровно в одиннадцать дней. Нашел жену спящей на полу в голой комнате над мясной лавкой (деньги ее почти все вышли). Дети в лагере РСХД были живы и здоровы. Целый год мы прожили впроголодь под угрозой роспуска лагеря РСХД и ссылки за проволоку среди других иностранцев, лишенных денег и права работать.

Журналистская и общественная деятельность Николая Платоновича Вакара в редакции *Последних новостей* и республиканско-демократической группы партии Народной Свободы (кадеты) привела к обширным знакомствам с деятелями русской эмиграции. Судя по переписке и дневникам 1939 года, хранящимся в Бахметьевском архиве, кроме своих коллег по редакции и партии (обе организации возглавлял Павел Николаевич Милюков), тесные контакты в последний предвоенный год и в начале войны были с Великим князем Дмитрием Павловичем Романовым, Александром Львовичем Казем-Бекон, Кириллом Сергеевичем Елита-Вильчковским и его отцом Сергеем Николаевичем, князем Сергеем Сергеевичем Оболенским и его женой Татьяной Борисовной, Анатолием Петровичем Вельминым, семьями Манухиных и Угримовых. Связи со многими из них не прерывались и после отъезда Николая Платоновича в США. Рассмотрим кратко сведения о перечисленных выше лицах.

Великий князь Дмитрий Павлович Романов (1891-1942) (*фото*) - единственный сын Великого князя Павла Александровича от брака с греческой принцессой Великой княгиней Александрой Георгиевной, внук Александра II, правнук

Николая I, двоюродный брат императора Николая II. Участник убийства Г. Е. Распутина. После революции 1917 года - в эмиграции.

С 1905 по 1913 год воспитывался в семье Николая II и получил блестящее образование. Окончил Офицерскую кавалерийскую школу и службу начал в Лейб-гвардии Конном Его Величества полку. С этим полком вступил в Первую мировую войну. Участвовал в походе в Восточную Пруссию и был награжден орденом Святого Георгия 4-й степени.

В ночь на 17 декабря 1916 года участвовал в убийстве Г. Е. Распутина, был арестован, потом отправлен в Персию в отряд генерала Баратова. что могло существенно подорвать и без того слабое здоровье Великого князя, но фактически спасло ему жизнь после начала революции в России и его эмиграции в США.

В 1926 году в Биаррице (Франция) женился морганатическим браком на американке Одри Эмери, которая приняла православие с именем Анна. Молодожены остались жить во Франции, где Дмитрий Павлович участвовал в разнообразных монархических и патриотических движениях (в том числе сыграл значительную роль в становлении Движения младороссов). В 1928 году у них родился сын Павел. Вскоре после рождения сына супруги развелись, хотя официально брак был расторгнут лишь в 1937 году. Дмитрий Павлович обосновался в купленном им в 1927 году нормандском замке Бомениль и устранился от общественной жизни. В 1939 году он продал свой замок и вследствие ухудшения состояния здоровья жил в Швейцарии. Умер в 1942 году от туберкулёза. Похоронен в дворцовой церкви на острове Майнау (собственность его племянника Леннарта Бернадота) рядом с сестрой Марией Павловной.

Александр Львович Казем-Бек (1902-1977) (фото из архива Н.П. Вакара) - белоэмигрант, лидер движения «младороссов», публицист, педагог, богослов. Родился 2 (15) февраля в Казани. Отец - предводитель дворянства Спасского уезда Казанской губернии Лев Александрович Казем-Бек, мать - Шпигельберг Надежда Геннадьевна. В 16-17-летнем возрасте Александр Львович принял участие в «белом» движении и в феврале 1920 года вместе с семьей оказался в эмиграции. (Константинополь - Салоники - Белград). В 1923 году переехал в Мюнхен, где поступил в университет. Одновременно А. Л. Казем-Бек стал лидером учреждённого в Мюнхене в 1923 году русской эмигрантской молодёжью Союза «Молодая Россия», который в 1925 году был преобразован в партию «Союз младороссов» (со штаб-квартирой в Париже).

В 1940 году был арестован (в Германии за его выдачу властям полагалось вознаграждение в сто тысяч рейхсмарок), однако, успел бежать в США, где в 1942 году объявил о роспуске партии «младороссов», «дабы дать полную возможность каждому из её членов проявить по своему разумению свой патриотический долг в отношении воюющего Отечества нашего».

В годы Второй мировой войны А.Л. Казем-Бек руководил книжным отделом в программе помощи русским военнопленным, осуществлявшейся YMCA. С 1944 года преподавал русский язык в Йельском университете, с 1946/1947 учебного года возглавлял кафедру русского языка и литературы в Коннектикутском колледже в Нью-Лондоне. Активно защищал права Московского Патриархата (РПЦ). В 1954 году обратился к правительству СССР с просьбой о предоставлении советского гражданства. Просьба была удовлетворена в 1957 году, и А. Л. Казем-Бек поселился в Москве. В 1962 году он был назначен старшим консультантом Отдела внешних церковных сношений (ОВЦС) Московского Патриархата; состоял членом редколлегии «Журнала Московской Патриархии», был автором ряда статей на экуменические и иные темы.

А. Л. Казем-Бек скончался 21 февраля 1977 года. Был погребён в селе Лукине (Ново-Переделкино) под Москвой, в ограде Преображенского храма подворья Афонского Пантелеймонова (тогда) монастыря.

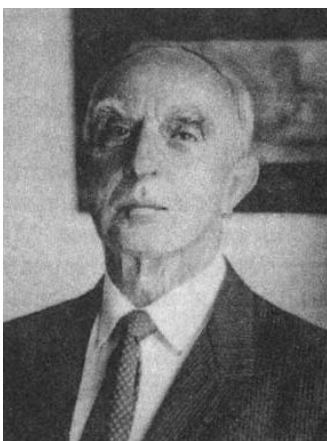

Сергей Николаевич Вильчковский (Елита-Вильчковский) (1871-1934) (фото) - дворянин. Родился 4 октября 1871 года. Воспитывался в Пажеском корпусе, с 1879 года состоял пажом при Высочайшем Дворе. Военную карьеру начал в Лейб-гвардии Преображенском полку. Его супруга - **Вилинбахова Варвара Афанасьевна (1867-1948)**. В 1902 году у супругов родилась дочь **Ирина** (в замужестве **Елачич**) (1902-1989), в 1904 году - сын **Кирил**. Сергей Николаевич служил царскосельским полицмейстером и слыл знатоком искусств. В 1911 году был издан его знаменитый путеводитель "Царское Село".

В 1917 году уволен по болезни в чине генерал-майора. Вскоре уехал за границу на лечение и остался в эмиграции - сначала в Югославии, затем - во Франции. В Париже был директором Русского Дома в Сен-Женевьев-де-Буа, построил в этом «русском Париже» прекрасный храм Успения, интерьер которого безвозмездно создавал Альберт Александрович Бенуа, заботился о своих подопечных в приюте, при котором, усилиями неутомимых царскоселов, и был возведен храм. Член Союза преображенцев. Умер 4 (17) сентября 1934 года. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Вильчковский (Елита-Вильчковский) Кирил Сергеевич (1904-1960) - литературный критик, редактор. В эмиграции жил во Франции. Участвовал в движении младороссов, фактически был вторым лицом в партии (заместитель председателя, генеральный секретарь, управляющий делами Главного совета, руководитель информационного центра). В 1928-1930 гг. редактировал журнал «Оповещение парижского очага младороссов», сотрудничал в журнале «Младоросс» (1930-1932), вел отдел критики в парижской газете «Бодрость» (1934-1940). Член Объединения русских писателей и поэтов в Париже. В 1939 году арестован французскими властями. После войны жил в Париже. В 1945 г. в Католическом университетском центре в Париже читал лекции из цикла «Вчерашняя и сегодняшняя Россия». Выступал с лекциями в Обществе духовной культуры (1946-1948), на литературных вечерах группы «Муза» (1947). Сотрудничал в журналах «Возрождение», «Современник» (Торонто), «Опыты» (Нью-Йорк). Умер в 1960 году, похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

<http://www.tez-rus.net/ViewGood27909.html>

Оболенский Сергей Сергеевич (1908-1980) - русский князь. Обучался в Фрейбургском, Мюнхенском и Берлинском университетах; с 1935 года – во Франции. Монархист-легитимист, член Главного совета партии младороссов. В июне 1941 года после нападения нацистской Германии на СССР князь С. С. Оболенский обратился в советское консульство с просьбой направить его добровольцем в РККА, что, конечно же, не могло быть осуществлено. После окончания 2-й мировой войны он поверил в возрождение свободной России, заведовал культурно-просветительским отделом Союза советских патриотов, сотрудничал в советских газетах и даже принял гражданство СССР, но, осознав свою ошибку, публично разорвал отношения в 1949 году. С 1950 года служил в страховых обществах, с

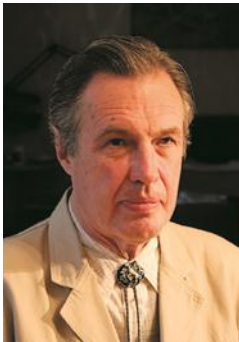
1962 года редактировал парижский журнал "Возрождение". Умер 18 марта 1980 года. Похоронен на кладбище Сент-Женьев-де-Буа.

В 1988 году в Париже на русском языке в издательстве YMCA-Press вышла его книга «Жанна – Божья Дева», а в 2013 году в Санкт-Петербурге издательством «Русская культура» был опубликован полный текст последнего труда С. С. Оболенского, над которым он работал почти пятьдесят лет. «Эта духовно-философско-историческая работа о Жанне д'Арк не имеет аналогов во всей сокровищнице русской гуманитарной мысли», - отмечал доктор исторических наук, исследователь русской эмиграции Петр Николаевич Базанов.

Жена - **Раль Ирина Борисовна (1912-2007)** (фото) родилась в Старице Тверской губернии в обрусевшей немецкой дворянской семье фон Раль. Отец - старицкий уездный предводитель дворянства Борис Васильевич фон Раль (1887-1920), мать - Вера Владимировна Толмачева (1885-?). После революции 1917 года эмигрировала с семьей в Баварию. В 30-е годы принимала активное участие в деятельности русских зарубежных правых организаций. 11 февраля 1940 года вышла замуж за князя Оболенского Сергея Сергеевича.

Дети: князь **Оболенский Александр Сергеевич 1947 г.р.**, княжна **Оболенская**

(Афанасьева) Вера Сергеевна 1950 г.р. Муж Веры Сергеевны - **Афанасьев Валентин Владимирович (фото) 1945 года рождения** - потомственный дворянин, музыкант, художник, композитор, автор цвето-звуковой системы. В 1972 году окончил Ленинградскую Государственную консерваторию по классу скрипки. Как скрипач работал во многих ленинградских оркестрах. Как художник получил известность после участия в нашумевших выставках андеграунда 70-х годов в Ленинграде. Член Ассоциации русских художников в Париже. Во многих странах мира (США, Германия, Франция, Швеция) состоялись его персональные выставки. Неоднократный участник выставок

«Осеннего салона» в Париже. В.В. Афанасьев известен также изобретением уникальной системы функциональных соотношений цветов и звуков, позволяющей воспринимать музыку в цвете.

Вельмин Анатолий Петрович (11 октября 1883 – 13 января 1977) (фото).

Юрист, литератор, журналист. Прапорщик запаса инженерных войск. Окончил юридический факультет Киевского университета. Заведовал в Киеве нотариальной конторой. Участник 1-й мировой войны. В эмиграции жил в Польше (с 1924). Варшавский корреспондент парижских «Последних новостей», представитель газеты в Польше до 1933 года. Председатель Русского попечительского комитета в Польше. В 1944 г. вывезен в Германию, с 1945 г. в Париже. Работал нотариусом. Сотрудник Народно-трудового союза в Париже. Избирался секретарем Союза русских писателей и журналистов (1950), в 1956–1957 гг. член его правления. Член Союза

деятелей русского судебного ведомства и Общества охранения русских культурных ценностей. Печатался в «Русской мысли», «Новом журнале». Постоянный сотрудник в Париже нью-йоркской газеты «Новое русское слово». Представлял Русский архив при Колумбийском университете. Похоронен на кладбище Кормей-ан-Паризи, под Парижем. Источник: Российское зарубежье во Франции 1919 – 2000: Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. – М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2008. – С. 264.

Манухин Иван Иванович (1882 - 1958) (фото) родился в 1882 году в г. Кашино Тверской губернии. После завершения учебы в Царскосельской Николаевской гимназии (1900) окончил в 1906 году Императорскую Военно-медицинскую академию (ВМА) в Санкт-Петербурге с дипломом лекаря. В 1911 году защитил диссертацию на степень доктора медицины "О лейкоцитозе", представленную академиком И.П. Павловым к премии ВМА. В течение многих лет был личным врачом М. Горького. Благодаря его поручительствам, близкому знакомству с М. Горьким, ходатайствам перед Л. В. Луначарским и другими видными деятелями новой власти удалось спасти от гибели многих арестованных: князя Гавриила Константиновича Романова, Анну Вырубову, группу министров Временного правительства и многих других. В 1921 году эмигрировал из России. Проживал во Франции. Скончался в 1958 году. Похоронен на кладбище Сент-Женьев-де-Буа под Парижем. Жена - **Манухина Татьяна Ивановна (урожд. Крундишева) (1885/1886 - 1962)** (фото) родилась 31 декабря 1885 г. (13 января 1886 г.) в Санкт-Петербурге. Окончила Педагогический институт. В 1921 году эмигрировала с мужем во Францию, где закончила свое образование. Журналистка, специализировалась по экуменическим вопросам, публиковалась под псевдонимом Таманин. Скончалась 13 июня 1962 года в Париже. Похоронена рядом с мужем. Наиболее полные сведения о Манухиных приведены на сайте

<http://tsarselo.ru/yenciklopedija-carskogo-sela/istorija-carskogo-sela-v-licah/manuhin-ivan-ivanovich-1882-1958.html#.WBY3Tsn-B4>

Угримов Александр Иванович (1874–1974) (фото) агроном, профессор. Происходил из старинного дворянского рода. Окончил Московский университет; доктор биологических наук Лейпцигского университета (1899–1905). В 1898 году в Берлине венчался с **Гаркави Надеждой Владимировной (1874-1961)**. Жена происходила из еврейской семьи и являлась дочерью адвоката, одного из руководителей московской еврейской общины Владимира Иосифовича Гаркави (1846-1911). В 1906 году Александр Иванович вернулся в Россию и служил вице-президентом и президентом Московского сельскохозяйственного общества. По постановлению коллегии ГПУ от 25 августа 1922 года выслан за границу на т.н. "философском пароходе". В эмиграции стал монархистом. Работал консультантом по сельскому хозяйству в представительстве советской потребкооперации в Германии (1923–1924). Читал лекции в Берлинском университете (1927–1936). В 1938 году переехал из Германии во Францию, преподавал в "Эколь франсез де Манери" (Школа по подготовке специалистов мучного дела). В 1948 году вернулся в СССР. Работал агрономом на опытных станциях в Калужской и Ульяновской областях. Реабилитирован по поводу высылки из России в 1957 году. Брат Угримов Борис Иванович (1872-1941), деятель ГОЭЛРО. В 1930 г. был осужден по процессу Промпартии, реабилитирован в 1932.

Дочь **Вера Александровна**, в замужестве **Рещикова (1902-2002)**. Уехала из России вместе с отцом, матерью и братом. Вернулась в 1947 году вместе с двумя дочерьми Ниной и Ириной. Преподавала иностранные языки в школах Калужской области. После реабилитации жила в Москве. В 1982 году в Москве тайно пострижена митрополитом Антонием Сурожским. Автор воспоминаний (журнал «Однако» №35 от 26.11.2012).

Сын - **Угримов Александр Александрович** (1906–1981) родился 11 февраля 1906 года в Швейцарии. Близкие и друзья звали его Шу-Шу. В 1922 году выехал с семьей из РСФСР. В 1929 году окончил Высшую техническую школу в Мюнхене и переехал во Францию, где работал научным сотрудником и руководителем лаборатории Высшей французской мукомольной школы в Париже. По собственному признанию стал легитимистом (сторонник монархии) и вступил в движение младороссов. В Париже возглавлял районную организацию в несколько десятков человек. В 1932 году женился на **Муравьевой Ирине Николаевне** (1903-1994), дочери московского адвоката и общественного деятеля Николая Константиновича Муравьева (1870-1936). В 1934 году родилась дочь Татьяна. Супруга была лидером женской организации младороссов. В 1937 году вместе с супругой вышел из партии младороссов.

В 1941 году после оккупации Франции нацистами организовал в г. Дурдан подпольную группу сопротивления, которая активно действовала до 1944 года. В 1946 году награжден французским военным крестом. В 1947 году, будучи председателем отделения Союза советских граждан во Франции, выслан из страны в советскую оккупационную зону Германии. В 1948 году вместе с женой и тещей арестован в Москве и приговорен к 10 годам заключения с конфискацией всего имущества. 27 июля 1954 года супруги Угримовы одновременно освобождены из заключения и реабилитированы (совместное фото 1954 года).

После освобождения Александр Александрович работал переводчиком во "Внешторгиздате" и Всесоюзной торговой палате, а Ирина Николаевна - художником по театральным костюмам Московского театра оперетты. Примкнул к диссидентам. В 1966 году познакомился с А.И. Солженицыным и был одним из главных хранителей архива Александра Исаевича. После выхода на пенсию в 1967-1972 годы вместе с женой работал над мемуарами, которые в 2004 году опубликовала их дочь Татьяна Александровна Угримова под заголовком **"Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту"** (сост., предисл. и коммент. Т. А. Угримовой. – М. : Изд-во «РА», 2004). Александр Александрович и Ирина Николаевна Угримовы похоронены на Введенском кладбище в Москве.

<http://archive.svoboda.org/programs/lived/2005/lived.080905.asp>

Многие из перечисленных выше лиц имеют отношение к Движению младороссов. Сам Николай Платонович не принадлежал к этому движению и не разделял его монархическую ориентацию (свою политическую позицию он характеризует как "эр-дек", т.е. "республиканец-демократ"). Однако, он разделял многие соображения младороссов относительно возможного экономического, политического и национального устройства постбольшевистской России и симпатизировал некоторым из людей, возглавлявших это движение. Особенно сдружился он с семьями Вильчковских, Оболенских и Угримовых во время годовичного «сидения в По» 1940-1941 года. Во время войны он продолжил общение с ними в переписке, а с К.С. Вильчковским и позже, по крайней мере, до 1948 года. Для полноты картины считаем целесообразным дать справку об этом движении.

Для справки.
Движение младороссов

Союз молодой России был официально создан в 1923 году в Мюнхене. В официальном обращении «К русским людям» в октябре 1929 года Великий князь **Кирилл Владимирович** (в 1924 году провозгласил себя Императором Всероссийским Кириллом I) одобрил младоросское движение. Лозунгом движения в это время был традиционный для монархистов 1920-х годов – «Бог. Царь. Родина»; гимном – «Боже, Царя храни». Гербом младороссов был грифон (из герба рода Романовых) на трехцветном (черно-желто-белом) фоне императорского штандарта по кавалерийскому образцу. Партийный девиз младороссов «К молодой России!» использовался во всех их печатных изданиях.

Вождем младоросского движения, с официальным титулом «Глава», стал **Александр Львович Казем-Бек** (1902–1977), партийный значок № 2; значок № 1 был у Великого князя **Владимира Кирилловича**. Младоросское движение управлялось Руководящим центром и Главным советом. Вторым лицом движения и его идеологом был генеральный секретарь **Кирилл Сергеевич Елита-Вильчковский** (1904–1960) – (значок № 5). Председателем Главного совета был Великий князь **Дмитрий Павлович** (1891-1942), а казначеем – сын Матильды Кшесинской – светлейший князь **Владимир Красинский**. Начальник канцелярии Его Величества Кирилла I капитан 1 ранга **Г. К. Граф** возглавлял Административное управление Младоросской партии, хотя и не был при этом младороссом.

В 1935 году признанным идеологом младороссов стал князь **Сергей Сергеевич Оболенский**. Он вошел в члены Руководящего центра и занял должность политического секретаря – седьмую позицию в младоросской иерархии. На самом деле, он был четвертым человеком в руководстве, т. к. пятая и шестая должности оставались вакантными, а Великий князь Дмитрий Павлович никакими конкретными делами не занимался.

Младоросское движение насчитывало (по разным оценкам) от 2-х до 6-ти тыс. человек. Организация была строго легитимистской и по структуре напоминала военную, орденскую. Финансово ее поддерживали Великий князь Дмитрий Павлович и его жена, американская миллионерша. По данным бывшего русского посла в Великобритании **Е. В. Саблина**, к 1934 году эта сумма составила 12 тыс. франков. Местные отделения младороссов («очаги», «звенья» и «бригады») действовали практически во всех странах, где жили русские эмигранты, но особенно крупные и влиятельные отделения были созданы во Франции (парижское) и в Югославии (белградское).

Внешне младороссы подражали итальянским фашистам: использовали энергичный, героический стиль, форму (синие рубашки) и приветствие друг друга вскидыванием правой руки и возгласом в честь **А. Л. Казем-Бека**: «Глава! Глава!» Сходство усиливалось и провозглашенными формами борьбы с коммунизмом, и отрицательным отношением к капитализму и «демолиберализму» (т. н. парламентской демократии). Вторая черта своеобразной идеологии младороссов – признание Октябрьской революции, что автоматически ставило их в число прореволюционных организаций. Они охотно использовали некоторые элементы славянофильства, почвенничества, сменовеховства и евразийства. Младороссов прочно связывают с лозунгом «Царь и Советы», создание которого им приписывается. Кроме этого, они известны своими эпатажными лозунгами, например, «Ни красные, ни белые, а русские», «Лицом к России», «За Федеральную Империю» («За Союзную Империю»), «Социальная монархия», «Режимы уходят, а Родина остается» и т. д.

Младороссы пропагандировали сочетание различных форм политической власти – монархия-аристократия-демократия, – по Аристотелю, как они

формулировали. Они противопоставляли «парламентско-партийной демократии» так называемое «народное представительство» в виде многоступенчатого участия различных слоев населения в законодательной власти и управляющих органах Российской империи. В официальной листовке 1928 года «Что каждый должен знать о Союзе младороссов» было изложено их кредо по национальному вопросу: «Под национализмом младороссы понимают сознательную приверженность Нации, обязывающей служению ей. Под Нацией младороссы понимают объединение по признаку духовного (культурного) родства в отличие от народа, объединенного исключительно кровным (расовым) признаком».

Сам национальный вопрос решался ими в России в виде постулата «Федеральная Империя» («Союзная Империя») – как блок национально-культурных автономий и самоуправлений. Социальное и национальное разнообразие Российской империи должна была скреплять идеократия младоросской партии и верховная царская власть. Все младороссы были убежденными монархистами и всячески доказывали, что Россия, в силу своих размеров и чрезвычайно недружелюбных соседей, должна иметь сильную единоличную власть. Идеальная форма такого личного руководства – наследственная монархия. Царя с детства готовят к его призванию, учат лучшие педагоги и специалисты; как ни один президент, он связан нравственными ограничениями; царю в России принадлежит все – и ничего, сам у себя воровать не сможет, а другим давать не будет, и т. д. Также младороссы требовали «социального мира», «всемирного примирения» и «свободы совести и вероисповеданий».

Младороссы были адептами «веры в эволюцию революционного строя». Они искренне надеялись, что российская революция 1917 года пойдет по тому же пути, что и английская XVII в. и Великая французская XVIII в.; иными словами, после прихода самых радикальных элементов последует термидор, и к власти снова вернется король. В российском сюжете им должен был стать двоюродный брат Николая II – Кирилл I. Этим и была обусловлена радость младороссов по поводу любых действий ВКП (б) и Сталина в сторону государственной державности. Отсюда возникали и последующие неизбежные обвинения младороссов в сталинизме.

На это их главные идеологи К. С. Элита-Вильчковский и С. С. Оболенский отвечали: «Младороссы – сторонники обороны Отечества не из-за Сталина, не ради Сталина, а вопреки Сталину, несмотря на него. В этом – существенное различие между младороссами, с одной стороны, и пораженцами – с другой. Оппозиционная тактика младороссов в данный момент преследует ясную цель: обслуживать в политическом отношении советскую военную среду и молодежь, снабжать ее данными, которыми ее замкнутость в современном советском провинциализме не позволяет ей самой располагать, воздействовать на ее психику»; «В наши дни от невежества Сталина, от его просчетов страна страдает не меньше, чем от его коварства и жестокости. <...> За страну! Против Сталина – таков лозунг, с которым мы входим в новый год и новое десятилетие.»

«Младоросскость» – олицетворение и реализация «национальной энергии», «психологическое состояние восторженной бодрости и внутреннего горения» и одухотворенность идеей при выполнении постулатов программы и идеологии движения, что очень похоже на определение «пассионарности» Л. Н. Гумилева. Отсюда и экзотическая структура организации младороссов: «движение – партия – орден», Орден служения России беззаветных, бескомпромиссных рыцарей-патриотов, заложивших жизни и души за попытку спасения родины.

Наибольшего расцвета младоросское движение достигло в середине 1930-х годов. В сентябре 1934 года в «Младоросской искре» было объявлено: «Союз Младороссов после длительных и напряженных усилий превращается во вторую советскую партию, занимающую положение революционной оппозиции в отношении партии правящей. Правящая – коммунистическая – партия, с точки

зрения младороссов, узурпирует руководство русской революцией». Так возникло другое название младороссов – «второсоветчики», т. е. вторая советская партия, – против чего очень возражал Великий князь Дмитрий Павлович.

Закат Младоросской партии начался в 1937 году. Считается, что партия самораспустилась в 1939 году в Париже, после ее запрета министерством внутренних дел Франции из-за ее «просоветской» позиции с последующим арестом многих членов. Вместе с тем, организации в США, Югославии и Шанхае действовали до 1942 года.

С началом Второй мировой войны младороссы защищали Францию в рядах французской армии, а затем активно участвовали в Сопротивлении. Многие из них удостоены боевых наград Франции. В их числе Дурданская подпольная группа А. А. Угримова-младшего и Пиренейская – К. С. Елиты-Вильчковского и С. С. Оболенского; Пиренейская группа представляла собой настоящий партизанский отряд, доставивший немецким оккупантам множество неприятностей.

Находясь на позициях русского патриотизма, многие из младороссов, под впечатлением изменения советской политики в годы Великой Отечественной войны, поддались соблазну усматривать в сталинском режиме «нормальную русскую государственную власть». Ожидание эмиграцией термидора, а еще больше – героизм русского народа, «реабилитация» русской истории и культуры, восстановление патриаршества и уменьшение антирелигиозных преследований, – все это породило иллюзии о перерождении советского режима. Так возникло в русской эмиграции движение «совпатриотизма».

<http://rons-inform.livejournal.com/2053238.html>

Вернемся к «Автобиографии» Н.П. Вакара.

Выбраться в Соединенные Штаты удалось чудом, сначала детям, а полгода спустя нам самим, через посредство Благотворительного комитета Унитарной церкви в Америке. Прибыли мы в Нью-Йорк в июле 1941 года после 22-х дневного скитания по океану, имея в кармане всего 2 доллара 50 центов на двоих. На пристани нас встретил доктор Илья Николаевич Коварский с дочерью Верой (**Коварский Илья Николаевич - 1880-1962, врач, в 1917 году заместитель городского Головы Москвы, с 1919 года эмигрант, с 1940 года жил в США, где возглавлял Общество российских врачей**), пригласивший нас в город и вручивший мне чек на 200 долларов от Д. Н. Григоровича-Барского (**Григорович-Барский Дмитрий Николаевич - 1871-1958, русский адвокат, судебный и общественный деятель, фото**), сообщавшего, что "деньги эти от русских людей в Чикаго, желающих издавать газету и приглашающих Вас в качестве редактора". *Примечание от Екатерины Чвани. Тут не решаюсь исправлять, на 100% не уверена, но мне кажется, что эти 200 долларов были подарком от читателей его статей в "Последних новостях", а вопрос о Чикагской газете поднялся позже.*

Нашему изумлению и благодарности не было границ. Гертруда Павловна уехала в Бостон к детям, попечение о которых уже в январе приняла на себя семья Карра и Элси Аткинсов в Уэллсли Хилс (городок в

США на запад от Бостона), а я оставался в Нью-Йорке, пока не выяснилась невозможность чикагского и других журнальных проектов. В сентябре и я уехал в Бостон. Там мы с женой получили даровую комнату в беженском доме в Кэмбридже. Я стал упаковщиком на книжном складе (45 центов в час), а Гертруда Павловна убирала чужие квартиры, прислуживала в ресторане, наконец, заняла место экономки в доме, где мы получили квартиру. Тогда мы смогли взять детей к себе.

Тем временем, я неожиданно получил предложение преподавать русский язык на Вечерних курсах для взрослых в Кэмбридже. Никогда я раньше этого не делал, но это положило начало нашей дальнейшей судьбе в Америке. По совету профессоров М.М. Карповича (**Карпович Михаил Михайлович** - 1888-1959, русско-американский историк, один из основателей американской русистики; фото 1) и П.А. Сорокина (**Сорокин Питирим Александрович** - 1889-1968, русско-американский социолог, культуролог, философ, один из основоположников теорий социальной мобильности и социальной стратификации;

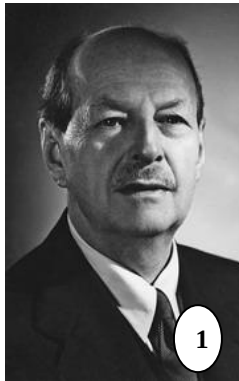
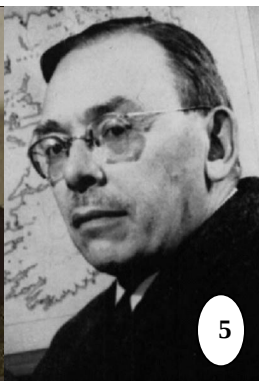
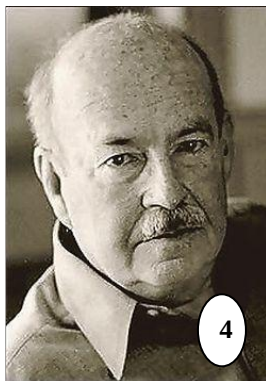

фото 2) и с помощью профессора Б.С. Миркина-Гецевича (**Миркин-Гецевич** псевдоним **Мирский Борис Сергеевич** - 1892-1955, юрист и публицист, масон; фото 3) я получил субсидию от Международного института воспитания в Нью-Йорке для занятий в Гарвардском университете. В Гарварде меня решили не переучивать, но использовать те знания, которые я имел, добавив к ним то, чего требовала современная наука.

С этой целью для руководства моей работой на докторскую степень, был создан особый комитет из профессоров П.А. Сорокина и Толкотта Парсонса (социология) (**Talcott Parsons** - 1902-1979, американский социолог-теоретик, глава школы структурного функционализма, один из создателей современной теоретической социологии; фото 4), Эрнеста Хутона (антропология) (**Ernest Hooton** - 1887-1954, видный американский антрополог, известный своими работами по расовой классификации, в частности, призывавший к генетической модификации германской нации путем скрещивания немецких женщин с мужчинами других наций; фото 5), М.М. Карповича (история) и Самуила Кросса (славянские литература и языки) (**Samuel Cross** - 1893-1946, единственный славист Гарварда в то время, переводчик президента США Рузвельта).

Продолжая работать на книжном складе унитарной церкви в Бостоне, при квартире, которую отрабатывала своим трудом Гертруда Павловна, я получил в 1945 году степень магистра (славянская

филология), а в следующем году степень доктора философии (славянская антропология, литература и языки).

Жизнь в Соединенных Штатах Америки непривычна для Николая Платоновича Вакара. В своих письмах 1945 года друзьям в Европу он пишет: "<...> Жить все-таки лучше в Европе, как бы материально это не было тяжело. Там жизнь полная, а тут плоская. Великолепная, ослепительная, но плоская, как полированная доска. Всеобщая вера в то, что доллар и техника разрешат все проблемы человека. Заикаться о смысле жизни не принято, неприлично. Нарушает механику. Это особенно угнетает потому, что народ здесь удивительно хороший. Благожелательный, приветливый. Но соприкасаются друг с другом лишь поверхностно. Даже семья только у тех, кто еще кое-как цепляется за старые европейские традиции.

Молодежь же, как правило, как белки в лесу. Никаких привязанностей, - ни к человеку, ни к месту. Нигде на свете люди так не одиноки, как в Америке. Каждый за себя. Вся мысль направлена на борьбу за доллар. Это просто, понятно, исключает сомнения. А так как эта цель у каждого одна, то при всем "индивидуализме" создается впечатление стада. Вместо личности - общество. Личность к 25-ти годам исчезает, кладется под спуд. То ли ей страшно подумать о себе, то ли она ощущает свое бессилие, но "общественный идеал" (красивая жизнь) заменяет личный идеал (развитие личности). Развитие личности, собственно, даже вредно для общественного идеала". Удивительно, до какой степени внешние крайности - американская и советская система - сходятся в одном источнике. Но тут она общепризнана, человек сдался. А там человеческая личность, как будто еще борется.

Не думаю, поэтому, чтобы эта страна пришлась тебе по душе. Много здесь русских, которые живут здесь давно, а ходят, как неприкаянные. Душе приткнуться некуда. Я все же в привилегированном положении. Не знаю, уж как ангел-хранитель надоумил меня взяться за преподавание и науки. Судьба послала в центр, где отличная библиотека, и в ту часть Америки (Новая Англия), где связь со старой европейской культурой не совсем разорвана. Это дает возможность оставаться, до известного предела, в кругу старых интересов.

<...> Вот, в средних и южных штатах, несмотря на радушие, душе совсем приткнуться негде. Не я один это чувствую. Большинство русских это ощущают. По двадцать, тридцать лет, а приспособиться не могут. В Европе этого как-то не ощущалось. Правда, мы там на русском острове жили. Тут же русского общества нет. А то, которое есть, - одна сплошная страшная харя. Общаешься с редкими индивидами. Но они рассеяны по стране, или по большому городу, и все дьявольски заняты. Одним словом, живем в одиночестве.

<...> Русские попы здесь "обангლოსаксонились" только в том смысле, что потеряли церковную почву и, подобно господствующему течению в Америке, обратили свои храмы либо в клуб, либо в бизнес. Духовной жизни здесь нет НИКАКОЙ, и пробудить ее почти невозможно. Мы устроили свою маленькую церковь (20 человек), Серафимовскую, и ею утешаемся. Бог послал хорошего простого священника, который всю неделю работает на заводе рабочим, а по воскресеньям служит безвозмездно. Боюсь, но это единственное исключение в Америке.

<...> Будь я моложе, не высидел бы тут, несмотря на "красивую жизнь". А нынче чувствую, что добегался. Тут, значит, и останусь".

В этом отрывке скомпонованы фрагменты трех писем Н.П. Вакара: Юрию Игоревичу Демидову от 29.09.1945, Кириллу Сергеевичу Елита-Вильчковскому от

1.11.1945 и Татьяне Ивановне и Ивану Ивановичу Манухиным от 8.12.1945. Письма находятся в Бахметьевском архиве (Нью-Йорк, Колумбийский университет).

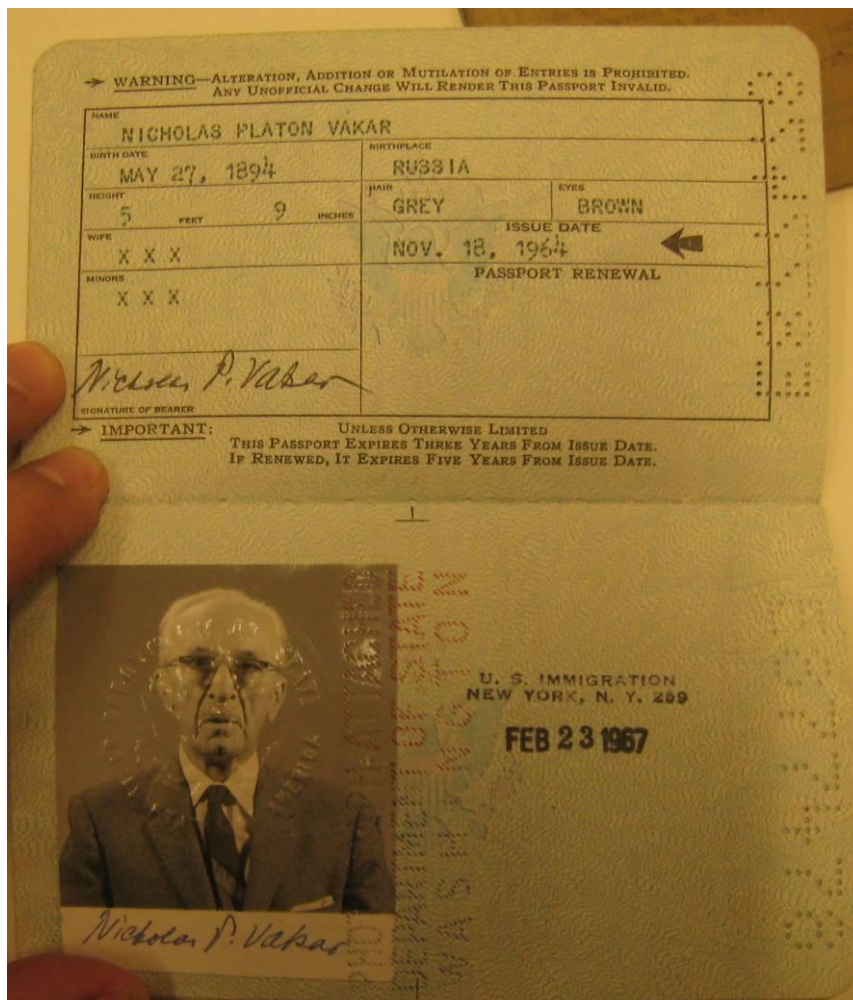
С 1944-45 года я уже преподавал русский язык и литературу в Уитон колледже (*Wheaton College, 26 E. Main Street, Norton, Massachusetts*) (фото), а теперь получил там же постоянную кафедру, которую занимал вплоть до отставки по предельному возрасту в 1962 году. Тем временем, я также преподавал историю русской цивилизации, литературу и язык в Гарвардском университете (1946-1951 годы) (фото входа на территорию главного кампуса университета справа), в летних русских школах Мидльбери (*Russian School Middlebury Language*

Schools 14 Old Chapel Road, Middlebury, Vermont) и Потни; читал лекции и доклады в различных университетах, колледжах, институтах и на научных съездах; печатал статьи на научные и текущие темы в различных изданиях на английском, русском и французском языках; написал несколько книг, в том числе: **"BELORUSSIA: THE MAKING OF A NATION"** (*Harvard University Press, 1956*) и **"THE TAPROOT OF SOVIET SOCIETY: The Impact of Russia's Peasant Culture upon the Soviet State"** (*New York: Harper Row, 1962*). Обе эти книги получили широкий отклик в Америке и Европе, но вызвали, особенно вторая, осуждение в эмигрантской печати.

О "Белоруссии" писали: **"Dr. Vakar... has certainly brought together more facts about White Russia than have ever before been collected between the covers of one book. Any future student of the subject will build on his foundation."** (*The Times Literary Supplement, London*); и о "Корневище советского общества": **"This is a mind-opening book..."** (*The New York Herald Tribune*); **"... a remarkably fine book that is like a journey to Russian people"** (*The New York Times Book Review*). В этой книге доказывалось, что в результате "сталинской" (т.е. второй советской) революции, основой (корневищем) современного советского общества является крестьянская полу-культура, мужицкие нравы и вкусы. В эмигрантской печати книга была объявлена клеветой на "русское крестьянство", морально несправедливой и политически вредной. Суждение было явно основано на недоразумении или плохом знании английского языка, и мне пришлось выступить с пространством разъяснением на страницах "Нового Русского Слова" (август 1962).

В звании заслуженного профессора я был приглашен в штатный университет Огайо читать лекции по русскому языку и литературе и руководить, по договору с правительством США, исследованием особенностей советской разговорной речи. В результате этой работы вышли в свет два тома **ЧАСТОТНОГО СЛОВАРЯ РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ**. Том 1 - Словник. Том 2 - Структура предложения (*Ohio State University Press, 1966 and 1970*).

В штатном университете Огайо я продолжал работать до 73 лет. С Рождества 1967 года проживаю в Сарасоте, на солнечном берегу Мексиканского залива, обдумывая итоги жизненного опыта и деля время между работой над новой книгой и живописью.

Фото американского паспорта подлинно российского человека, потомственного русского дворянина Николая Платоновича Вакара.

На этом автобиография Николая Платоновича Вакара заканчивается.

18 июля 1970 года он скончался после непродолжительной болезни в возрасте 76 лет. Тело предано земле на кладбище Маунт Ауберн в Кембридже, штат Массачусетс.

Фотография надгробного камня на кладбище Mount Auburn.

Подготовили А.
Полынский и И.
Александров.

Источники:

«Автобиография» Н.П. Вакара представлена по тексту машинописного оригинала с комментариями дочери Н.П. Вакара Кэтрин Чвани, хранящегося в Бахметьевском архиве (Columbia University Libraries, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive (BAR), Vakar papers). Текст «Автобиографии» приведен целиком, за исключением первого абзаца, в котором излагается происхождение рода Вакаров. Там приводятся сведения о родоначальнике этой ветви Вакаров Алексее Григорьевиче и истории, случившейся с ним во время нашествия Наполеона. История эта изложена так, как она сохранилась в семейных легендах, что совершенно не соответствует историческим фактам. Верное изложение этой истории можно найти здесь:

http://www.famhist.ru/famhist/vakar_serg/00063c65.htm

Использованы также отрывки писем и дневников из фонда Н.П. Вакара в том же архиве.

<https://clio.columbia.edu/catalog/4078219> (ссылка на архивный фонд)

Газетные публикации Н.П. Вакара (в том числе под псевдонимом Н.П.В.) в эмигрантской прессе разыскал и просмотрел М.И. Классон. Особенно ценным оказалось разысканное им интервью Вакара о «процессе профессоров». Текст доступен по ссылке:

<http://elib.shpl.ru/ru/nodes/9974-1132-1232#page/376/mode/inspect/zoom/8>

«Воспоминания» Елизаветы Платоновны Вакар-Матвеевой

http://www.famhist.ru/famhist/biblioteka/vakar-matveeva_liza.pdf